

А.В. ГАНИН,
г. Москва, Российская Федерация

**КОМПЛЕКС ДОКУМЕНТОВ ПО ДЕЛУ
ВСЕСОЮЗНОЙ ВОЕННО-ОФИЦЕРСКОЙ
КОНТРЕВОЛЮЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
«ВЕСНА» 1930–1931 ГГ. КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ОФИЦЕРСТВА
ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА**

Ganin A.V.,
Moscow, Russian Federation

**Documents on the Case of the All-Union Military
Officers Organization “Spring” (1930–1931)
as a Source on the History of Russian Officer
Corps of the Post-Revolutionary Period**

Аннотация

В 1930–1931 гг. в СССР развернулось дело Всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации «Весна», направленное против бывших офицеров в РККА. Несмотря на ряд публикаций, это дело остается практически неизученным. Материалы дела хранятся в Ведомственном архиве Службы безопасности Украины. Ярких личностей, арестованных по делу «Весны», было много. Протоколы их допросов содержат ценнейшие материалы по военно-политической истории нашей страны. Показания по делу «Весна» давали многие высокопоставленные военспецы, среди которых было немало тех, кто сыграл

Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258a2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)». В основе статьи доклад автора на научном семинаре «Архивно-следственные дела ОГПУ-НКВД-МГБ как исторический источник», состоявшемся в РГАСПИ 29 сентября 2016 г. This article has been prepared with financial support from of the Russian State Science Fund (science project no. 14-31-01258a2 “ Russian Officer Corps at the time of collapse: 1914–1922”). It is based on a report of the author to the scientific workshop “Investigatory records of the Joint State Political Directorate (OGPU) – People’s Commissariat for Internal Affairs (NKVD) – Ministry for State Security (MGB)” that took place in the Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI) on September 29, 2016.

видную роль в создании Красной армии, и охватывают самые разнообразные сферы развития РККА, начиная от эволюции высших органов военного управления, истории военно-учебных заведений вплоть до вопросов развития военной топографии. Ряд фигурантов служили в белых и национальных армиях, их показания позволяют осветить роль офицерства в антибольшевистском лагере. Показания арестованных имеют исключительное значение для биографических исследований. В статье рассматриваются особенности документов дела как важного источника по истории русского офицерства послереволюционного периода. Материалы дела «Весна» свидетельствуют об одном из этапов процесса «закручивания гаек» советским руководством, взявшим курс на создание крупной индустриальной державы и искоренение малейших проявлений инакомыслия.

Abstract

In 1930–1931 in the USSR there was instigated a case of all-Union military officer counter-revolutionary organization “Vesna (Spring)” against the former Red army officers. Despite a number of publications, this case remains virtually unstudied. The materials are stored in the Departmental Archive of the Security Service of Ukraine. There were many striking personalities among those arrested in the case of the “Spring.” Transcripts of the interviews contain valuable data on national military and political history. Many high-ranking military specialist testified in the case of the “Spring”, some of them instrumental in the creation of the Workers' and Peasants' Red Army (RKKA); the evidence covers all spheres of the RKKA development from evolution of the high command and history of the military education establishments to evolution of military topography. Some of the persons named in the case having served in the White or national armies, their evidence throws light on the role of officers in the anti-Bolshevistic camp. The evidence is of utmost importance for biographers. The article assesses the nature of investigatory records as an important source on the history of Russian officer corps in the post-revolutionary period. The materials of the “Spring” case speak of a crackdown due to Soviet leadership holding course for building-up of industrial power and eliminating all manifestations of dissent.

Ключевые слова

Источники, дело «Весна», политические репрессии, РККА.

Keywords

Sources, “Spring” case, political repressions, Workers’ and Peasants’ Red Army.

По окончании Гражданской войны на территории Советской России оказалось не менее 110 000 бывших офицеров, воспринимавшихся властями как потенциальная угроза безопасности. Тем более что ко второй половине 1920-х гг. численность кадрового состава РККА была ниже этой цифры и составляла лишь около 98 000 человек (куда, кстати, входили свыше 10 000 бывших офицеров) при более чем полумиллионном переменном составе¹. Положение этой группы лиц усугубилось по мере укрепления режима личной власти И.В. Сталина. Произошло это не сразу, но именно бывшие офицеры стали одной из первых жертв массовых репрессивных кампаний, которые проводились в СССР в конце 1920 – начале 1930-х годов.

Потенциальная угроза интервенции на рубеже 1930-х гг., рост недовольства внутри СССР на фоне раскулачивания, продовольственного и топливного кризиса, необходимость возложить на кого-то вину за проблемы развития страны для исключения массовых беспорядков привели к организации первой после Гражданской войны волны массовых репрессий. В СССР начали разворачиваться показательные процессы против разного рода «вредителей» на объектах промышленности, на транспорте, в торговле, в научной среде и в армии: «Шахтинское дело» 1928 г., дело «Промпартии» 1930 г., Академическое дело 1929–1931 гг., дело микробиологов 1930–1931 гг.² Против бывших офицеров было направлено самое масштабное из этих дел, так называемое дело Всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации, или дело «Весна» 1930–1931 гг., охватившее не менее 3 276 человек. По разным оценкам всего по этому делу, охватившему всю страну, и связанным с ним процессам могли проходить от 5 000 до 10 000 человек³.

Все эти процессы имеют немало общего. Во-первых, процессы преследовали мобилизационные задачи – сплотить советское общество против неких вымышленных врагов и отвести вину от подлинных виновников неудач в руководстве страны и партии. Во-вторых, жертвами этих первых репрессивных кампаний были, прежде всего, «бывшие» – представители дореволюционной интеллигенции, те, кого можно было отнести к буржуазным специалистам, или же так называемые нэпманы. Жертва эта была очень удобной, поскольку никаких возможностей для

сопротивления не имела, и с ней можно было делать абсолютно все, что заблагорассудится следователям и прокурорам.

В последние годы исследователи активнее получают доступ к прежде засекреченным комплексам архивных документов о репрессиях 1930-х гг. Есть определенные подвижки и в изучении дела «Весна». Недавно о нем не было известно буквально ничего, теперь же в представлении отдельных авторов оно чуть ли не затмевает собой процессы 1937–1938 гг. До сих пор нет однозначного ответа на вопросы о целях, характере, механизме, масштабах и последствиях дела «Весна». К сожалению, приходится признать, что до воссоздания объективной картины этого процесса еще очень далеко.

В настоящее время практически весь комплекс архивных документов (3 276 томов) по этому делу хранится в ведомственном архиве Службы безопасности Украины (ГАСБУ) в Киеве, куда он был передан в 1957–1965 гг. из КГБ СССР. В Москве, в Центральном архиве ФСБ, по неизвестным причинам остались лишь тома следственных материалов по А.Е. Снесареву и А.Х. Базаревскому. Тот факт, что материалы этого процесса доступны в полном объеме, позволяет серьезно анализировать этот комплекс документации как исторический источник. Как известно, в России дела репрессированных в рамках крупных процессов или массовых операций выдаются только по отдельным персоналиям, а о доступе ко всем документам, включающим справочные тома, списки обвиняемых, внутренние материалы следствия, не приходится даже мечтать, что не позволяет комплексно исследовать репрессивные кампании и получить реальное представление о происходившем. Тем выше ценность рассматриваемых документов.

Первая попытка исследования материалов процесса связана с именем украинского историка Я.Ю. Тинченко. Исследование Тинченко⁴ имело очевидную публицистическую заостренность, в результате чего были допущены определенные искажения. Кроме того, работа содержит ряд неточностей в отношении событий истории Гражданской войны и истории Красной армии, поскольку ее автор не имел возможности продолжительное время работать с документами российских архивов. Тем не менее, Тинченко оказался первым исследователем, который обратился

к документам дела «Весна» и привлек к этой теме внимание научного сообщества. Ценность его книги заключалась, прежде всего, в обширных цитатах из следственных дел, документальных приложениях и в собранном статистическом материале.

Следом за этой работой в Киеве сотрудниками ГАСБУ при участии Тинченко был издан двухтомный сборник документов (под обложкой ведомственного альманаха архивной службы СБУ) по этому процессу⁵. Собственно «Весны» касалась лишь часть этого сборника, причем публикуемые документы затрагивали только события этого дела, связанные с Украиной. А.А. Зданович в своей монографии также затронул общий ход дела, но в связи с отсутствием доступа к документам украинских архивов этот важнейший сюжет остался в основном за рамками его работы⁶. Исследовались в связи с делом «Весна» и биографии отдельных его фигурантов⁷. Тем более что ярких личностей по делу проходило немало. Протоколы их допросов содержат ценнейшие материалы по военно-политической истории нашей страны.

Автору этих строк в 2008–2009 гг. довелось стать первым и, видимо, до сих пор единственным российским исследователем, ознакомившимся с достаточно представительным объемом документации по делу «Весна». Удалось ознакомиться, частично или полностью скопировать более семидесяти томов дела, в основном по бывшим офицерам Генерального штаба. Некоторые материалы уже введены в научный оборот⁸. Кроме того, в архивах региональных управлений ФСБ России мною велся поиск материалов как непосредственно по «Весне», так и по связанным с ней процессам. Например, по делу «Микробиологи», в рамках которого также репрессировались бывшие офицеры⁹. К сожалению, возможности для такого поиска ограничены и не идут ни в какое сравнение со свободным доступом к аналогичным документам в украинских архивах.

На основе этой выборки можно сделать некоторые выводы относительно всего процесса, а также выработать рекомендации по использованию архивно-следственных дел 1930-х гг. в исторических исследованиях.

Прежде всего необходимо отметить чрезвычайную сложность следственных материалов как исторического источника. Очевидно,

что значительная часть признательных показаний фальсифицирована следователями или была получена от арестованных под давлением, в результате обмана, шантажа, издевательств и пыток (применялись психологическое давление, шантаж арестами и притеснением родственников, конвейерные допросы, лишение сна и пищи, стойки по несколько суток, переохлаждение или перегрев, помещение на несколько суток на высокий стул без возможности шевелиться, побои, имитация казни или телесных наказаний, заключение в тесном помещении и т. д.¹⁰). Такие документы содержат абсурдные и вымышленные данные, противоречащие другим документам и лишь отдаляющие неподготовленного читателя от подлинных фактов и событий. Это касается, прежде всего, непосредственно антисоветской деятельности перед арестом, подготовки различных заговоров, восстаний, диверсий и т. п. Один из фигурантов дела позднее, уже на Соловках, говорил товарищам: «Мне стыдно, что мы как бабы писали друг на друга, а еще старые кадровые офицеры»¹¹. Вопрос, можно ли вычлнить среди этих материалов достоверную информацию, оставить за рамками. Наверное, можно, но в целом эти материалы служат источником лишь в отношении развития самих следственных мероприятий. Тем более что те или иные крамольные разговоры, передаваемые подследственными, относятся к категории неverified информации. Оценивать их достоверность можно только с позиций здравого смысла.

К примеру, С.Г. Сакварелидзе-Бежанов показал на допросе: «Я спросил у Шапошникова¹², не слышал ли он чего-либо обо мне у Пугачева¹³, как об участнике к[онтр]р[еволюционной] организации, Шапошников ответил, что ему это известно и что, вероятно, я знаю через Пугачева и о его участии в организации»¹⁴. В реальность подобного разговора трудно поверить.

В тех случаях, когда показания следствие не устраивали, они либо редактировались, либо же арестованных заставляли писать дополнения к ним, в которых нередко содержались прямо противоположные приведенным ранее факты. После нескольких редакций следствие получало то, чего добивалось. Иногда дополнения выглядели весьма неуклюже и абсурдно. Например, бывший генерал Е.С. Гамченко свои показания назвал «Мое раскаяние», а в дальнейшем писал «Дополнение к моему раскаянию» и даже

«Второе дополнение к моему раскаянию». Как вариант, в очередных показаниях содержалась преамбула, объяснявшая почему прежде арестованный говорил одно, а теперь переосмыслил свое поведение и стал утверждать прямо противоположное.

Следователи не стремились к особой достоверности. Никаких улик, компрометирующих документов и материалов, кроме стандартных вынужденных признательных показаний арестованных, весьма поверхностных и противоречивых, в изученных делах нет. Тем не менее, эти документы, безусловно, важный источник по вопросу организации и проведения следствия, методов работы следователей и принципов фабрикации политических дел.

Возникает вопрос о целесообразности проведения столь значительной работы по сбору «доказательств», составлению целой системы справочных томов по всему процессу, когда результат был предопределен заранее. Однако по какой-то причине просто посадить человека в тюрьму или лагерь или же расстрелять без формального соблюдения необходимых юридических процедур было нельзя. Скорее всего, советское руководство стремилось придать репрессиям видимость законности, хотя в настоящее время ясно, что дело от начала и до конца было сфабриковано. При этом уместно поставить вопрос о том, интересовала ли партийное руководство подлинная картина общественно-политических взглядов и взаимоотношений бывших офицеров, ведь очевидно, что масштабная фальсификация процессов и нагнетание истерии в стране напрямую влияли на трансформацию сознания всего советского общества и все сильнее отдаляли тех, кто принимал решения, от понимания реальной внутривнутриполитической обстановки.

Наряду с этим в документации по делу «Весна» имеется и значительный пласт весьма ценной и объективной информации. Во-первых, это внутренние документы органов госбезопасности информационно-справочного характера: оперативные разработки и донесения секретных сотрудников, в которых детально отражались подлинные взаимосвязи бывших офицеров, характер их круга общения и взаимоотношений; списки фигурантов дела с указанием примененных репрессий; справочные тома с ссылками к делам, в которых содержались свидетельские показания на

фигурантов, статистические материалы; спецсводки о характере разговоров фигурантов дела в местах заключения и т. д.

Во-вторых, вполне достоверны документы о ходе следствия: ордера на обыск и арест, описи изъятого имущества (по ним иногда можно судить и о достатке арестантов), анкеты, заявления и жалобы арестованных, данные об изъятых при аресте материалах и имуществе, биографические справки арестованных, ходатайства об их освобождении, переписка, приговоры, служебные и личные документы, в том числе отражающие быт 1920–1930-х гг., например документы о наградах, талоны на питание, удостоверения личности, сберкнижки, проездные билеты и т. п. В одном из томов даже сохранилась карточка лагерного ударника с ленинским девизом: «Соревнуйся, люди перевоспитываются»¹⁵. В совокупности эти материалы позволяют изучить положение и образ жизни бывших офицеров в СССР в 1920–1930-х гг., их связи, интересы и повседневность, раскрывают они и ход самого процесса.

Третьим видом объективных документов из архивно-следственных дел являются фотографии. Эта группа источников имеет исключительную ценность, поскольку изображения многих офицеров, как ни прискорбно, стали известны только благодаря заведенным на них делам. В делах имеются не только фотографии периода ареста. Иногда встречаются дореволюционные или советские снимки, на которых офицеры изображены в военной форме, с наградами. Попадают даже групповые фотографии с изображением фигурантов дел и их сослуживцев. Что касается фотографий периода ареста, то они могут быть полезны для анализа ведения следствия. По ним можно определить, как выглядел, одевался и был настроен арестованный. В делах присутствуют фотографии реликвий воинских частей старой армии, которые хранили бывшие офицеры в советское время. В том числе, например, фотографии спрятанного знамени лейб-гвардии Преображенского полка.

Исключительное значение имеют материалы реабилитации, сохранившиеся в томах дела и включающие в себя письма самих репрессированных (если они дожили до периода десталинизации), обращения их родственников, сведения о фальсификации материалов дела, о применении пыток, повторные допросы свидетелей, справки из архивов и библиотек, копии архивных доку-

ментов о жизни и деятельности арестованных, в том числе об их военной службе. Некоторые реабилитационные дела представляют собой полноценные научные исследования в отношении биографий репрессированных.

Наиболее сложным вопросом является выявление достоверной исторической информации там, где содержится значительный объем информации недостоверной, а именно в показаниях подследственных.

В отношении документов по делу «Весна» можно сделать несколько наблюдений. Наибольшую ценность для изучения истории Красной армии и послереволюционных судеб офицеров русской армии представляют первоначальные показания подследственных, данные сразу после ареста. Очевидно, прежде чем перейти к оказанию давления на арестованного в целях получения от него нужной информации, следователи позволяли ему в свободной форме и максимально подробно рассказать о своей жизни. Вероятно, делалось это для того, чтобы собрать информацию о связях арестованного и о значимых событиях в его жизни и жизни его знакомых, о которых арестант считал нужным рассказать следствию.

Эти материалы, по существу, близки к категории документов личного происхождения, поскольку представляют собой воспоминания арестованных, хотя и написанные вынужденно и в чрезвычайных условиях. К числу ценных следует отнести воспоминания бывших офицеров об их жизни до революции, революционных событиях, годах Гражданской войны, а иногда и о последующем времени, т. е. обо всем, что напрямую не относилось к сфере интересов следствия и не нуждалось в искажении. Однако чем повествование ближе к 1930-м гг., тем менее достоверным оно становилось.

Одним из критериев достоверности показаний может считаться отсутствие их машинописного набора. Как правило, на машинке печатались и тиражировались для включения в другие дела лишь выгодные следствию показания, содержавшие неприкрытые компрометирующие сведения в отношении сослуживцев. Некоторые тома вообще представляют собой лишь копии следственных материалов. При этом наиболее достоверные и, следовательно, невыгодные ОГПУ показания подшивать в различные

дела смысла не имело, в связи с чем они оставались в рукописном виде. Так, в рукописных показаниях бывшего генерала В.И. Моторного содержатся уникальные и весьма содержательные воспоминания по истории Уральской армии, начальником штаба которой в годы Гражданской войны являлся арестованный. Разумеется, их записали, но не стали даже печатать.

В целом, показания о прошлом (в материалах дела «Весна» эту границу можно ориентировочно провести по периоду до середины или даже до конца 1920-х гг.) можно считать достоверными с применением к ним стандартных методов критики источников, которые применяются к документам личного происхождения, т. е. к воспоминаниям, дневникам и переписке. Все, что в последующих показаниях противоречит первоначальным, требует самой серьезной проверки как возможный фальсификат.

Для понимания взаимоотношений в среде бывших офицеров интересны характеристики, а подчас целые психологические портреты сослуживцев, имеющиеся в материалах следствия. Вполне возможно, что компрометирующие показания давались подследственными не только под давлением следствия, но и с целью сведения личных счетов со своими сослуживцами. Следовательно, при соответствующей проверке достоверности эти материалы могут служить источником информации о самих военспецах, характере взаимоотношений в их среде, взаимосвязях, дают множество мелких бытовых деталей, которые подчас достаточно значимы для исследователей и более нигде не встречаются.

Проанализируем характеристику бывшего генерала М.Д. Бонч-Бруевича, данную другим бывшим генералом А.Е. Снесаревым (наши комментарии в квадратных скобках): «Бонч-Бруевича я впервые увидел, когда в начале 1918 года явился в Москву, чтобы перейти на советскую службу; он тогда был правой рукой т. Троцкого и без него я не мог бы ничего достигнуть [подлинное признание, подтверждающееся в личных документах Снесарева за 1918 г. и содержащее нейтральную оценку Троцкого, что было чревато в 1930-е гг.]. Потом я его надолго упустил из виду, и хода его дальнейшей службы я не знаю. Затем я его видел два раза (может быть три) у С.Г. Лукирского, когда забежал к нему – он жил тогда на одном со мною дворе [любопытная бытовая зарисовка] и два года моего начальствования над

академией был моим помощником. Бонч-Бруевич был жизненно хорош с Лукирским, и они никогда не забывали посещать друг друга, они начинали советскую службу вместе, раньше многих и значительно времени служили вместе [абсолютно достоверное свидетельство]. Обыкновенно я заставал у Лукирского Бонч-Бруевича вместе с его женою и собеседование велось в присутствии их обеих жен. Тем я не помню (я оставался обычно недолго, так как одинаково не любил обеих), но я помню общее настроение Бонч-Бруевича: оно было жизненно будирующее, с жесткими и, я сказал бы, пренебрежительными выпадами по адресу текущей власти, он производил впечатление человека обиженного, не оцененного, предпочтенного каким-то дуракам [эти события могли иметь место в связи с уходом Бонч-Бруевича из руководства РККА летом 1919 г.]. Жены ли мешали нашему более откровенному разговору или они пока еще были со мною осмотровельны, но оба давали впечатление людей, хорошо между собою сговорившихся, но еще осторожных к новым для них (в политическом отношении) людям. Вообще, между Бонч-Бруевичем и Лукирским должна была существовать тесная политическая связь и полное объединение, иначе совершенно нечем объяснить постоянное их общение. Бонч-Бруевич человек очень скучный, ничего не пьющий и не играющий в карты.

Политическое лицо Бонч-Бруевича такое: близкий когда-то подсобник ген. Драгомирова, всегда “густо черный”, занимавший в Акад. Ген. штаба правое крыло, он может быть только ярким и крайним монархистом, что подтверждается и его религиозностью, спускающейся до формальной церковности¹⁶ [эти сведения верифицируются по многим свидетельствам]. Как человек властный и упорный, к тому же располагающий широкой базой подчиненных, он имеет самые широкие возможности для организации такого кружка или даже общества, которые выполняют всякие его указания, подсказанные Бонч-Бруевичу и его политическими взглядами и яркой враждебностью его настроений¹⁷. Властность и упорство Бонч-Бруевича подмечены верно, а далее делается нужное следствию допущение о том, что при таких качествах он мог группировать вокруг себя людей. Итак, характеристика, в целом соответствующая действительности, лишь с вопросами в двух местах.

В некоторых случаях правда и вымысел в показаниях тесно переплетаются. Например, представляющиеся вполне достоверными показания некоторых генштабистов об их отношении к революции, большевикам и Гражданской войне находят продолжение в весьма сомнительных свидетельствах о зарождении контрреволюционной военной организации в их среде в 1920-е гг.

Показания дают широкую панораму идейно-политической эволюции военспецов, оценки ими различных аспектов развития Красной армии. Во многих случаях арестованные достаточно откровенно высказывались о своих взглядах и идейной эволюции, которую претерпели с дореволюционных времен, и о том, в каком сложном положении оказались они в Советской России. Думается, такие свидетельства вполне достоверны. Например, бывший генерал С.Г. Лукирский заявил: «Я свой политический путь проделал, начиная с сочувствия партии октябристов, закончил его, оставшись национал-патриотом своей родины»¹⁸. Бывший генерал А.А. Свечин свидетельствовал, что «с самого начала моего пребывания в РККА я ощущал атмосферу недоверия ко мне, как к бывшему генералу, отчего возникло известное расхолаживание в сознании бесплодности моих усилий»¹⁹.

Красноречивы показания об особенностях восприятия Гражданской войны. Бывший генерал Н.П. Сапожников в январе 1931 г. не побоялся заявить: «Был случай, когда я просил не назначать меня на Сев[ерный] фронт, где белыми командовал Миллер, к которому я относился с уважением в бытность его моим начальником»²⁰. Другой бывший генерал, Е.А. Искрицкий, свидетельствовал, что «когда война приняла гражданский характер и на участке мной сформированной армии моими противниками с белой стороны оказались люди, с которыми я рос, воспитывался и служил при старом режиме и которых я не мог считать своими врагами, я понял, что не могу как командующий быть водителем красных войск и предпочел уйти со строевой службы на чисто академически-научную»²¹. Подобные заявления могли дорого обойтись неосторожным военспецам, тем выше ценность этих слов.

Показания по делу «Весна» давали многие высокопоставленные военспецы, среди которых было немало тех, кто сыграл видную роль в создании Красной армии. Среди них один

из создателей Красной армии М.Д. Бонч-Бруевич и его сотрудник С.Г. Лукирский, крупные военные ученые А.И. Верховский, А.А. Свечин, А.Е. Снесарев, видные военачальники Н.Е. Какурин, Д.Н. Надежный, В.А. Ольдерогге, С.А. Пугачев, С.Д. Харламов. Показания арестованных охватывают самые разнообразные сферы развития РККА, начиная от эволюции высших органов военного управления, истории военно-учебных заведений вплоть до вопросов развития военной топографии. Ряд фигурантов служили в белых и национальных армиях, их показания позволяют осветить роль офицерства в антибольшевистском лагере. Среди них И.А. Антипин, И.Г. Баковец, А.И. Батрук, В.И. Галкин, Е.С. Гамченко, А.Г. Лигнау, Н.А. Морозов, В.И. Моторный, К.К. Литовцев (Шильдбах). Показания арестованных имеют исключительное значение и для биографических исследований.

Комплекс документов по делу Всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации «Весна» 1930–1931 гг. является одним из важнейших источников по истории русского офицерства послереволюционного периода. Разумеется, полноценное изучение архивно-следственных дел невозможно в отрыве от изучения той эпохи, в которую они возникли и тех периодов, которые в этих документах нашли свое отражение. Проверка информации, содержащейся в архивно-следственных делах, позволяет выявлять в них большие объемы важной и ценной информации, порой отсутствующей в других видах исторических источников.

Примечания

¹ Жарков В.В. Реформирование Красной армии в 1920-е гг. // Ярославский педагогический вестник. – 2009. – № 2 (59). – С. 192. Zharkov V.V. Reformirovanie Krasnoj armii v 1920-e gg. [Reforming the Red Army in 1920s]. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik*, 2009, no. 2 (59), p. 192.

² Подробнее см.: Политбюро и «вредители». Кампания по борьбе с вредительством на объектах промышленности. Сб. док. Т. 1–2. – М., 2014. *See more: Politbjuro i "vrediteli". Kampanija po bor'be s vreditel'stvom na ob'ektah promyshlennosti. Sb. dok. T. 1–2* [Politburo and the "saboteurs": Campaign against sabotage in industry facilities: Documents collection in 2 vol.]. Moscow, 2014.; Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. Кн. 1–2. – М., 2011–2012. *Shahtinskij process 1928 g.: podgotovka, provedenie, itogi. Kn. 1–2*. [The Shakhty Trial of

1928: Preparation, handling, results. Books 1–2]. Moscow, 2011–2012; Чельный А.А. Микробиолог Степан Васильевич Коршун: судьба ученого и дело «микробиологов». – М., 2010.; Chel'nyj A.A. *Mikrobiolog Stepan Vasil'evich Korshun: sud'ba učenogo i delo "mikrobiologov"* [Microbiologist Stepan Vasilievich Korshun: Life of the scientist and the "Microbiologists" trial]. Moscow, 2010.

³ Тинченко Я. Голгофа русского офицерства в СССР в 1930–1931 годы. – М., 2000. – С. 30. Tinchenko J. *Golgofa russkogo oficerstva v SSSR 1930–1931 godu* [The Calvary of the Russian officers in the Soviet Union in 1930–1931]. Moscow, 2000, p. 30.

⁴ Там же. Ibid.

⁵ Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації» (справа «Весна», 1930–1931 рр.) за документами Державного архіву Служби безпеки України // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). – 2002. – № 1 (18); № 2 (19). Sprava "Vsesojuznoj vijs'kovo-oficer'skoj kontrevoljucijnoj organizacii" (sprava "Vesna", 1930–1931 rr.) za dokumentami Derzhavnogo arhivu Sluzhbi bezpeki Ukraïni [The case of the all-Union military officers organization ("Spring" Case: 1930–1931) in documents from the State Archive of Security Services Ukrain]. *Z arhiviv VUCHK-GPU-NKVD-KGB (Kiïv)*, 2002, no. 1 (18) – 2 (19).

⁶ Зданович А.А. Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК-ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). – М., 2008. – С. 388–397. Zdanovich A.A. *Organy gosudarstvennoj bezopasnosti i Krasnaja armija: Dejatel'nost' organov VChK-OGPU po obespečeniju bezopasnosti RKKA (1921–1934)* [State security services and the Red Army: Activity of the Cheka – OGPU organs in providing security in the Red Army: 1921–1934]. Moscow, 2008, pp. 388–397.

⁷ Полторак С.Н. А.И. Верховский и дело «Весна» // Старцевские чтения-2006. – СПб., 2007. – С. 210–225. Poltorak S.N. A.I. Verkhovskiy i delo "Vesna" [A.I. Verhovskiy and the "Spring" case]. *Starcevskie chteniya-2006*, St. Petersburg, 2007, pp. 210–225; Полторак С.Н. А.И. Верховский и В.М. Чернов на политических перекрестках // Новейшая история Отечества XX–XXI вв. Сб. науч. трудов. Вып. 2. – Саратов, 2007. – С. 399–403. Poltorak S.N. A.I. Verkhovskiy i V.M. Chernov na politicheskikh perekrestkah [A.I. Verkhovskiy and V.M. Chernov on political crossroads] *Novejshaja istorija Otechestva XX–XXI vv. Sb. nauch. trudov. Vyp. 2.* [Modern national history: 20th – 21st centuries: A collection of scientific papers]. Saratov, 2007, pp. 399–403; Полторак С.Н. «Военные откровения» А.И. Верховского во время следствия по делу «Весна» // Политика. Общество. Человек. – СПб., 2008. – С. 298–312. Poltorak S.N. "Voennye otkrovenija" A.I. Verkhovskogo vo vremja sledstvija po delu "Vesna" ["War revelations" of A.I. Verkhovskiy during the investigation in the "Spring" case]. *Politika. Obshhestvo. Chelovek*. – СПб., 2008, pp. 298–312; Полторак С.Н. А.И. Верховский об А.Е. Снесареве в ходе допросов по делу «Весна» // Телескоп. – Самара, 2013. – С. 309–314. Poltorak S.N. A.I. Verkhovskiy ob A.E. Snesareve v hode doprosov po delu "Vesna" [A.I. Verkhovskiy talking about A.E. Snesarev during the interrogation in the «Spring» case]. *Teleskop*, Samara, 2013, pp. 309–314; Тинченко Я.Ю. Ландскнехт без страха і докору: військова кар'єра та доля Миколи Какуріна // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). – 1999. –

№ 1–2 (10–11). – С. 5–60. Tinchenko J. *Landskneht bez strahu i dokoru: vijs'kova kar'ra ta dolja Mikoli Kakurina* [Landsknecht without fear and reproach: Military career and fate of N. Kakurin]. *Z arhiviv VUCHK-GPU-NKVD-KGB (Kiiv)*, 1999, no. 1–2 (10–11), pp. 5–60.

⁸ Ганин А.В. Гамбит Монигетти. Невероятные приключения «итальянца» в России // Родина. – 2011. – № 10. – С. 122–125. Ganin A.V. *Gambit Monigetti. Neverojatnye priključenija "ital'janca" v Rossii* [Monighetti gambit: Incredible adventures of an "Italian" in Russia]. *Rodina*, 2011, no. 10, pp. 122–125; Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. – М., 2013. – С. 453–459, 748–764. Ganin A.V. *"Mozg armii" v period "Russkoj Smuty": Stat'i i dokumenty* ["Brain of the army" during the "Russian Time of Troubles": Articles and documents]. Moscow, 2013, pp. 453–459, 748–764; Ганин А.В. Болгары – выпускники Николаевской военной академии в Гражданской войне в России // Славянский альманах-2012. – М., 2013. – С. 450–467. Ganin A.V. *Bolgary – vypuskniki Nikolaevskoj voennoj akademii v Grazhdanskoj vojne v Rossii* [Bulgarian graduates of the HIM Nicholas General staff academy in the Civil war in Russia]. *Slavjanskij al'manah*, 2012, Moscow., 2013, pp. 450–467; Ганин А.В. Архивно-следственное дело военного ученого А.А. Свечина. 1931–1932 гг. // Вестник архивиста. – 2014. – № 2 (126). – С. 260–272; № 3 (127). – С. 261–291. Ganin A.V. *Arhivno-sledstvennoe delo voennogo učenogo A.A. Svechina. 1931–1932 gg.* [An archival investigation case of military researcher A.A. Svechin in 1931–1932]. *Vestnik arhivista*, 2014, no. 2 (126), pp. 260–272; no. 3 (127), pp. 261–291; Ганин А.В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. – М., 2016. Ganin A.V. *Povsednevnaja zhizn' genshtabistov pri Lenine i Trockom* [The daily life of general staff officers in the times Lenin and Trotsky]. Moscow, 2016.

⁹ Ганин А.В. В тени «Весны». Бывшие офицеры под репрессиями начала 1930-х годов // Родина. – 2014. – № 6. – С. 95–101. Ganin A.V. *V teni "Vesny". Buvshie oficery pod repressijami nachala 1930-h godov* [In the shade of the "Spring": Former officers under the repressions of the early 1930s]. *Rodina*, 2014, no. 6, pp. 95–101.

¹⁰ Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації»... // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2002. № 2 (19). С. 353–354, 386, 394–398, 402–403. *Sprava "Vsesojuznoj vijs'kovo-oficer'skoj kontrrevoljucijnoj organizacii"...* [The case of the all-Union military officers organization...]. *Z arhiviv VUCHK-GPU-NKVD-KGB (Kiiv)*, 2002, no. 2 (19), pp. 353–354, 386, 394–398, 402–403.

¹¹ Там же. – С. 355. Ibid., p. 355.

¹² Имелся в виду Б.М. Шапошников [It is about B.M. Shaposhnikov].

¹³ Речь идет о С.А. Пугачеве [It is about S.A. Pugachev].

¹⁴ Ведомственный архив Службы безопасности Украины (ГАСБУ). Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 39. Л. 145. *Vedomstvennyj arhiv Sluzhby bezopasnosti Ukrainy* [Departmental Archive of the Security Service of Ukraine] (GASBU), fond 6, file 67093-FP, vol. 39, p. 145.

¹⁵ Там же. Д. 67093-ФП. Т. 189 (251). Л. 75. Ibid., file 67093-FP, vol. 189 (251), p. 75.

¹⁶ Подчеркнуто красным карандашом [Underlined in red pencil].

¹⁷ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 188 (219). Л. 112-113. GASBU, fond 6, file 67093-FP, vol. 188 (219), pp. 112-113.

¹⁸ Там же. Д. 67093-ФП. Т. 65. Ч. 1. Л. 23. Ibid., file 67093-FP, vol. 65, part 1, p. 23.

¹⁹ Там же. Д. 67093-ФП. Т. 66. Л. 10. Ibid., file 67093-FP, vol. 66, p. 10.

²⁰ Там же. Д. 67093-ФП. Т. 60 (80). Л. 3. Ibid., file 67093-FP, vol. 60 (80), p. 3.

²¹ Там же. Д. 67093-ФП. Т. 240 (3159). Л. 86 об.-87. Ibid., file 67093-FP, vol. 240 (3159), pp. 86 verso – 87.

Список литературы

1. Ганин А.В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. – М., 2016.

2. Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації» (справа «Весна», 1930–1931 рр.) за документами Державного архіву Служби безпеки України // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). – 2002. – № 1 (18); № 2 (19).

3. Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР: 1930–1931 годы. – М., 2000. – 496 с.

References

1. Ganin A.V. *Povsednevnaia zhizn' genshtabistov pri Lenine i Trockom* [The daily life of general staff officers in the times Lenin and Trotsky]. Moscow, 2016.

2. Sprava “Vsesojuznoi vijs’kovo-oficer’skoï kontrevoljucijnoi organizacii” (sprava “Vesna”, 1930–1931 rr.) za dokumentami Derzhavnogo arhivu Sluzhbi bezpeki Ukraïni [The case of the all-Union military officers organization (“Spring” Case: 1930–1931)]. *Z arhiviv VUChK-GPU-NKVD-KGB (Kiïv)*, 2002, no. 1 (18) – 2 (19).

3. Tinchenco J. *Golgofa russkogo oficerstva v SSSR 1930–1931 gody* [The Calvary of the Russian officers in the Soviet Union in 1930–1931]. Moscow, 2000, 496 p.

Сведения об авторах

Ганин Андрей Владиславович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, г. Москва, Российская Федерация, andrey_ganin@mail.ru

About the author

Ganin Andrey Vladislavovich, Dr. Hab., leading researcher at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation, andrey_ganin@mail.ru